

Copyright © 2016 by the Kalmyk Institute for Humanities of the Russian Academy of Sciences

Published in the Russian Federation
Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities
of the Russian Academy of Sciences
Has been issued since 2008
ISSN: 2075-7794; E-ISSN: 2410-7670
Vol. 26, Is. 4, pp. 112–120, 2016
DOI 10.22162/2075-7794-2016-26-4-112-120
Journal homepage: <http://kigiran.com/pubs/vestnik>

UDC 811.512.37

The Kalmyk Obsolete Buddhist Vocabulary (Evidence from the Kalmyk National Corpus)

Evgeniy V. Bembeev ¹

¹ Ph. D. in Philology, Deputy Director for Science and Research, Kalmyk Scientific Center of the RAS (Elista, Russian Federation). E-mail: galdma@yandex.ru.

Abstract

The article attempts to study the obsolete Buddhist vocabulary of the Kalmyk language with evidence from the “early” 18th-19th century texts that have been introduced into the database of the Kalmyk National Corpus.

As is known, within any language one can constantly witness two reciprocal processes: disappearance of some lexemes that pass out of use — and appearance of new ones. In terms of the historical approach to the studies of a word, the stages as follows can be distinguished: appearance of a lexeme, loss of novelty and movement into the realm of neutral lexis, appearance of obsolete features, passing out of use and designation as obsolete. But the process can be both slow, continuous — and uneven like, e.g., the case of religious lexis. Once shifted towards passive positions, such vocabulary did not disappear altogether but kept existing in corresponding texts. However, at certain historic moments obsolete vocabulary can get re-actualized and start functioning actively in speech; thus, re-emergence of a once obsolete word to active use is always a new stage in the life-cycle of the word. So, e.g., due to the social and political transformations that occurred in the past 20 years, religious terms and notions that used to be designated as obsolete are re-introduced into the active vocabulary.

Kalmyk written monuments contain a huge layer of Buddhist lexis and expressions that passed out of active use and are difficult to understand (or cannot be understood at all) for contemporary Kalmyk speakers. Analyses of old written texts allow to fill some gaps relating to the vocabulary of modern Kalmyk and Mongolian languages in general. In view of the aforesaid, to enrich the contemporary vocabulary certain archaisms and obsolete words should be re-introduced — with due account of corresponding examples since the boundaries between the active and passive vocabulary (including mainly obsolete words) are not fixed.

The considered examples testify that due to external reasons (both linguistic and extra-linguistic ones, i.e. those that resulted from social and political transformations) there occurred substitution of notions, restriction of meanings of words and other processes in modern Kalmyk which significantly impoverish the vocabulary of the language. E.g., the word *äädikh* expresses both the meanings of ‘report’ and ‘predestination’, *bishilykh* stands only for ‘to contemplate’. It is the social movement for restoration of once lost spiritual traditions, cultural values and realities that stimulates the re-introduction of rare and obsolete lexis. The value of most of the words is indisputable since those constitute a huge layer of the culture and traditional national identity.

Ключевые слова: Kalmyk language, archaisms, obsolete words, Buddhist vocabulary, Kalmyk National Corpus.

В результате активного использования современных информационных технологий и компьютерных методов обработки текстовой информации актуальной проблемой современной лингвистики является сохранение письменного наследия, что предполагает перевод источников и архивных документов в цифровую форму, создание каталогов и баз данных. Этим обусловлено стремительное развитие корпусной лингвистики, а исследования, проводимые на материале корпуса текстов на том или ином языке, позволяют во многом скорректировать имеющиеся описания грамматик как в диахронном, так и синхронном срезе, что, несомненно, является значительным шагом в становлении новых методов изучения структуры того или иного языка.

Как известно, лексика любого языка подвержена изменениям в зависимости от определённых общественно-исторических условий, развития языка как такового, влияния других языков и т. д. Каждый новый этап в развитии общества накладывает свой отпечаток на словарный состав языка. Октябрьская революция 1917 г. и последовавшие за ней события оказали огромное влияние не только на социально-политический, экономический и культурный уклад жизни всех без исключения народов России, но и повлекли за собой колоссальные изменения в их языках и письменных традициях.

В калмыцком языке за годы советской власти, когда атеизм стал важнейшей составляющей государственной идеологии, буддийская религиозная лексика была решительно отодвинута на периферию лексической системы и практически вытеснена из сознания людей, что, безусловно, отразилось на языке. С конца XX в., когда в нашей стране произошли социально-политические и культурные события, когда прекратились гонения на церковь, буддийская религиозная лексика постепенно возвращается к активному употреблению. Поэтому можно говорить о процессе лексической деархаизации, т. е. возвращения в активное речевое употребление лексики, которая в словарях середины и конца XX в. помечалась как *устаревшая, историзмы и архаизмы*.

Цель данной работы заключается в попытке анализа и реконструкции устаревшей буддийской лексики калмыцкого языка на материале Национального корпуса калмыцкого языка. Материалом для исследования послужили «ранние» тексты XVIII–XIX вв.,

введенные в базу данных Национального корпуса калмыцкого языка (далее — НККЯ). Новизна работы заключается в том, что впервые предлагается провести анализ и реконструкцию буддийской устаревшей лексики с привлечением НККЯ.

Изучение «ранних» текстов носит ретроспективный исторический характер и охватывает самый широкий круг вопросов — от текстологии и диалектологии до сравнительно-исторического изучения словоформ, словосочетаний и т. д., что в свою очередь часто приводит к реконструкции ойратских и общемонгольских древностей на вербальном уровне. Создание подкорпуса «ранних» текстов, написанных на старокалмыцком языке (калм. *тодо бичиг* ‘ясное письмо’), в рамках НККЯ сопряжено с рядом проблем [Куканова 2013; Бембеев 2015]. На сегодняшний день ввиду отсутствия для «тодо бичиг» кодировки некоторых символов в соответствии со стандартами UNICODE было принято решение оцифровывать «ранние» памятники на разработанном универсальном транслитерационном алфавите, позволяющем унифицировать письменные памятники калмыцкого языка XVIII–XIX вв. [см. Очирова 2012; Куканова, Бембеев 2013; Бембеев 2012; 2014]. Более 200 текстов, представляющих собой историко-литературные источники, памятники эпистолярного жанра и т. д., введены в массив базы данных подкорпуса¹. Между тем создание полноценного ресурса предполагает создание морфологической модели и парадигмы именных и глагольных словоизменительных типов старописьменного калмыцкого языка, дальнейшие поиск, оцифровка и введение в научный оборот (т. е. факсимильное копирование источников) письменных памятников на «ясном письме», которые хранятся в собраниях рукописных памятников России, Монголии, КНР, Германии, Дании и других стран [см. Бембеев 2012]. Создается «Словарный модуль калмыцкого языка», который представляет собой электронную лексикографическую базу данных (на основе лексикографических источников XVIII и первой половины XX вв.) и который впоследствии составит основу для создания распознающей программы.

В процессе работы использована программа TextAnalyzer, функции которой за-

¹ В транслитерации текстов на «тодо бичиг» принимали участие Д. Н. Музраева, Ц. Д. Манджиева, а также автор данной работы.

ключаются в проведении графематического (лексического) и морфологического анализа. Она позволяет проанализировать большую часть примеров корпуса текстов и получить наиболее полную картину значений, или так называемое семантическое поле употребительности лексической единицы.

Калмыцкий язык, закономерно развиваясь вместе с материальной и духовной культурой народа, располагает значительным по объему и богатым по содержанию лексическим фондом. Образ жизни, условия и среда обитания, род занятий наших предков нашли отражение в языке, в его словарном составе. Как отмечает в своей работе Э. Ч. Бардаев, «калмыцкий язык поразительно богат лексикой, относящейся к животноводству и растительному миру» [Бардаев 1985: 7].

Как известно, в любом языке постоянно протекают два взаимообратных процесса: исчезновение одних лексем, которые не находят должного употребления в обыденной жизни, и появление новых слов. В рамках исторического подхода к изучению слова можно выделить следующие этапы: момент появления, утрата новизны и переход слова в разряд нейтральных, появление оттенка устарелости, выход из активного употребления и переход в разряд устаревших. Но этот процесс может происходить не только постепенно и непрерывно, но и неравномерно, как, например, в случае с религиозной лексикой. Перейдя в определенный исторический момент в пассивный запас, эта лексика не исчезла совсем: она продолжала и продолжает жить в текстах. Однако в определенные исторические моменты устаревшая лексика может актуализировать свое значение и начать активно функционировать в речи, поэтому возвращение некогда устаревшего слова в активное употребление — это всегда новый этап в жизни этого слова.

Исследование устаревшей буддийской лексики калмыцкого языка представляет интерес, так как монографические работы, посвященные данной проблематике, отсутствуют, а имеющиеся носят рамочный характер. Одной из таких работ является книга А. Ш. Кичикова «Үгин туск үг» («Слово о словах») [1979], в которой рассматривается устаревшая лексика калмыцкого языка, встречающаяся в эпосе «Джангар». В словарных статьях автор приводит слова с переводом и примерами, трактуя возможное историческое развитие и происхождение

данных слов. Большой интерес представляет работа Г. Ц. Пюрбеева «Хальмгудын заңшалта бээцин тээлвр толь» («Толковый словарь традиционного быта калмыков»), где также приводится большой пласт устаревшей лексики [Пюрбеев 2005]. Важным источником по рассматриваемой проблематике является работа Ц.-Д. Номинханова «Материалы к изучению истории калмыцкого языка» [Номинханов 1975]. В ней автор классифицирует лексику по тематическим группам, а также приводит параллели из тюркских языков. Исследованию устаревшей лексики калмыцкого языка на материале художественных и фольклорных произведений посвящен ряд статей А. Б. Лиджиева [2011a; 2011b], Н. М. Мулаевой, С. Е. Бачаевой [2011], Н. Ч. Очировой [2011].

Исследования по семантике устаревших слов значительно облегчаются тем, что имеется достаточное количество «кранних» двуязычных словарей, составленных в XVIII–XX вв. В этом отношении необходимо выделить следующие лексико-графические памятники: «Русско-калмыцкий словарь» (XVIII в.) анонимного автора; «Краткий русско-калмыцкий словарь» (1857 г.) П. Смирнова; «Калмыцко-русский словарь» (1893 г.) М. Львовского; «Kalmükisches Wörterbuch» Г. Й. Рамштедта; «Калмыцко-русский словарь» (1911 г.) А. М. Позднеева. При сравнении словарей разных времен или даже эпох можно представить характер изменений в жизни народа. Поэтому особенно пристального внимания заслуживает исчезающая лексика, отражающая эволюцию языка и дающая дополнительную информацию о прежней эпохе.

Поскольку калмыцкая буддийская лексика формировалась на протяжении долгого времени, она не могла быть однородной по происхождению (заимствования из тибетского, санскритского и других языков), значимости, употребительности, сфере функционирования (например, слова, обозначающие понятия, имеющие непосредственное отношение к буддизму и т. д.). Между тем духовная сфера не относится к тем сферам человеческой жизнедеятельности, в которых изменения происходят быстро. Несмотря на тот факт, что буддийская лексика долгое время находилась на периферии лексической системы калмыцкого языка, она наиболее консервативна и достаточно константна, на что указывают следующие примеры:

**Устаревшая лексика буддийско-
религиозной тематики**

ayildqal (ayildyal) ‘доклад, донесение, рапорт, представление’ [Ковалевский, 1 1844: 4]; ‘доклад, донесение, представление’ [Голстунский, 1 1895: 3]; ‘доклад, представление’ [Позднеев 1911: 1]. Существительное *ayildqal (ayildyal)* является производным от глагола *ayildqaqu (ayildyaqu)* ‘доложить, донести, довести до сведения, рапортовать, представить, говорить (высшей особе)’ [Ковалевский, 1 1844: 3]; ‘доложить, донести, довести до сведения; просить, спрашивать (младшие старшему)’ [Голстунский, 1 1895: 2]; ‘докладывать’ [Позднеев 1911: 1]. Например: *Tere kebērēn bide, dēdüstü ayiladqal örgön...* ‘Точно так же мы доводили до сведения [представлялись] всевышним богам’ [Сказание ... 1897: 14].

В современном калмыцком языке это слово оформляется как *әәлдхл* [әәлдхел] ‘уст. доклад, рапорт; предначертание’ [КРС 1977: 62]. Согласно основным закономерностям развития гласных калмыцкого языка, дифтонг *ai (ayi)* в первых слогах старописьменного языка соответствует в современном калмыцком языке долгой фонеме [æ:], которая на письме передается буквой *әә* [Биткеев 1975: 145]. Краткие гласные непервых слогов старописьменного языка, в данном случае гласный *a*, в современном калмыцком языке ввиду их редуцированности на письме не обозначаются, причем в транскрипции слова [әәлдхел], представленной в «Калмыцко-русском словаре», исторически краткая гласная второго слога не отмечена, а краткая гласная последнего слога передана знаком [e], обозначающим редуцированную гласную [КРС 1977: 62].

Одноименное название «әәлдхл» носит так называемый жанр буддийской ойратской (калмыцкой) литературы «пророчества», который чрезвычайно популярен среди простых верующих [Меняев 2014]. Данный факт подтверждается не только рукописными памятниками XVIII–XIX вв., но и художественной литературой XX в., в которой очень часто встречаются упоминания произведений этого жанра. Например: *Боорцг кетн, цә чантн, — гижә гергн куукн хойртан заачкад, хур татад, хальмг ут дуд дуулжә өгәд, моңлар бичгдсн «Әәлдхлин бичг» умшч өгәд, сән гидгәр сергәжә хонулв* ‘«Делайте борцоки, варите чай», — велел он жене и дочери. Сам сыграл на хуре, спел протяжные песни, почитал «Книгу предска-

заний», написанную на монгольском языке, чем взбудрил перед сном» [НККЯ: «Һалан хадһл» К. Э. Эрендженов]; *Очр-Маань ик гидгәр терүндән һундрхад, кесг-кесгән уха ухалад, наадк цаһан саната гегән-бурхдасн селвг сурад, әәлдхлин дегтрән секәд оркна* ‘Очир-Мани, очень сильно на него обидевшись, довольно долго поразмышляв, открыл «Книгу предсказаний», чтобы спросить советы у других добродушных бурханов» [НККЯ: «Арахан туск келвр» К. Э. Эрендженов]; *Мана аав Әәлдхлиг умшдг билә* ‘Мой отец тоже читал «Книгу предсказаний»’ [НККЯ: «Әәлдхлин зәрлгин тасрха» Б. П. Амбекова]; *Эн келсн мини үг биш — әәлдхлин бичг* ‘Это сказанное — не мои слова, — это из «Книги пророчества»’ [НККЯ: «Мукөвүн» А. Б. Бадмаев].

Как отмечено выше, в «Калмыцко-русском словаре» словом *әәлдхл* [әәлдхел] передаются два значения: 1) ‘высок. уст. доклад, рапорт’ и 2) ‘предначертание’ [КРС 1977: 62]. Это слово является производным от глагола *әәлдх* [әәлдхел], который передает уже четыре значения: 1) ‘уст. отдавать себе отчет’; 2) ‘поучать кого-л.’; 3) ‘соизволить’; 4) *перен.* ‘предсказывать’ [КРС 1977: 61]. Между тем в словарях конца XIX—нач. XX в. приводятся два разных слова, обозначающих понятия ‘докладывать’ и ‘предсказывать’. Например, в этих словарях, помимо глагола *ayildqaqu (ayildyaqu)* ‘доложить, донести, довести до сведения, рапортовать, представить, говорить (высшей особе)’ [Ковалевский, 1 1844: 3], имеется глагол *ayiladqu* ‘знать, понимать, разуметь, иметь чистое познание, ведать (внимать)’ [Ковалевский, 1 1844: 4]; ‘знать, ведать; знать будущее, проникать, ясно видеть, доложить; соблаговолить, соизволить’ [Голстунский, 1 1895: 2]; ‘знать, ведать’ [Позднеев 1911: 1]. Таким образом, в конце XIX — нач. XX в. на письме эти понятия передавались двумя разными словами. Если привести в качестве сравнения данные из монгольско-русского словаря 1957 г., то в нем эти понятия отражены отдельно: *айлдах* ‘1) *высок. уст.* изрекать; 2) соблаговолить, соизволить’ и *айлтгах* ‘*высок. уст.* доводить до сведения, докладывать’ [МРС 1957: 27]. В «Большом академическом монгольско-русском словаре» — *айлдах* ‘*хүндэтгэл*: 1) изрекать; проносить, вещать; 2) знать, ведать, разуметь; проникать, предвидеть, провидеть; 3) соблаговолить, соизволить; 4) *шилж.* читать, учить’ и *айлтгах* ‘*хүндэтгэл*: 1) доводить

до сведения, докладывать, представлять доклад (вышестоящему лицу); 2) спрашивать, просить (у старших) [БАМРС, 1 2001: 66]. В современном калмыцком языке на материале НККЯ обнаружены следующие примеры: *Манишин гегэн ээлдх ...* [НККЯ: «Маниг Ленин дуудла» С. К. Каляев] «Мандзуши гегэн предскажет...»; *Ямаран бурхн ээлдх?* [НККЯ: «Хальмг күүкнэ харц» С. К. Каляев] «Какой бурхан предскажет?».

badar ‘санскр. патра — чашка, введенная Буддой для сбора подаяний нищенствующими монахами (бикшу)’ [Позднеев 1911: 119]; *badar* ‘санскр. патра — чашка, нищенская чаша для собирания милостыни, подаяний’ [Голстунский, 2 1894: 202]. Например: *Badariyin üldel-dü basa kürtebe* [Сказание... 1897: 107] «Тоже угостили (нас) остатками подаяний».

В «Калмыцко-русском словаре» *бадр* [бадър] ‘П. уст. рел. чашка (для сбора подаяний странствующими монахами)’ [КРС 1977: 76]. Например: *Erte urida burxan badar bariji* ‘Когда-то давным-давно Будда нищенствовал (досл. держал чашу для подаяний)’ [НККЯ: «Сказки на калмыцком языке»]. Как было указано выше, краткие гласные непервых слогов старописьменного языка в современном калмыцком языке ввиду их редуцированности на письме не обозначаются. В современном монгольском языке *бадар* ‘I са. 1) подаяние, милостыня, пожертвование; 2) сбор пожертвований, подаяний; 3) чаша для сбора пожертвований, подаяния, потир; II *бадар бүдэр хорш*. спотыкаясь, заплетаясь ногами; III *бадар шар цэцэг са., ург.* ‘жёлтый цветок широколистного падука, воздушный ирис, касатик’; IV *бадар хээ* ‘вид орнамента в виде орхидей’ [БАМРС, 1 2001: 368]. В современном калмыцком языке на материале НККЯ примеры со словом *бадр* в значении ‘чашка (для сбора подаяний странствующими монахами)’ не обнаружены.

badarči ‘нищенствующий пилигрим’ [Позднеев 1911: 119]; *badarči* ‘сборщик подаяний при храме и монастырях’ [Голстунский, 2 1894: 202]. Например: *Basa qalqayin nige 19 nasutai köbüün badarči bolži* [Сказание... 1897: 40] «Один 19-летний халхаский юноша стал нищенствующим пилигримом». В «Калмыцко-русском словаре» *бадарч* [бадарчъ] ‘уст. бадарчин, странствующий монах, сборщик пожертвований (живущий подаянием): *бадарчин йовсн хазрт хуурмг-худл олн, батхн олар хурсн хазрт өтн-хорха*

олн ‘в местах, где бадарчин бывал, прегрешений было много, а в тех местах, где мухи собираются, там и личинок (червяков) много <посл.>’ [КРС 1977: 75]; «*Яһад атхр бээдлтэ йовхмбч?*» — *гигэ бадарчин суржана* ‘Нищий монах спрашивает: «Почему ты идешь такой мрачный?»» [НККЯ: «Мектэ бадарчин» Э. А. Эльдышев].

bišilgaxu ‘созерцать’ [Позднеев 1911: 126]; *bišilgaxu* ‘размышлять, созерцать, упражняться в чем, прилежать к чему’ [Голстунский, 2 1894: 229]; *bišilgaxu* ‘созерцать, размышлять, мечтать; воображать; прилежно заниматься чем, упражняться в чем’ [Ковалевский, 2 1846: 1135]. Например: *Dotoroni suuyād diyan bišilyaži bayigsan oron gedeg geži kelene* ‘Говорят, что внутри имеется место, где, садясь, проводят созерцание’ [Сказание... 1897: 47]; *Arban tabun jili dūsan daya bišilyaži* ‘В течение пятнадцати лет находился в созерцании’ [НККЯ: «Сказки на калмыцком языке»]. В современном калмыцком языке отражено лишь одно значение слова *бишилх* [бишилхехе] ‘созерцать’ [КРС 1977: 76]. Необходимо отметить, что после согласного *ш* присутствует редуцированный *и*. В монгольском языке слово *бясалгах* передает несколько значений, что отражено в словарных статьях: *бясалгах* ‘созерцать; размышлять, мыслить’ [МОТ 1957: 103]; *бясалгах* ‘созерцать, предаваться созерцанию; размышлять, мыслить’ [БАМРС, 1 2001: 319]. В современном калмыцком языке на материале НККЯ примеры со словом *бишилх* [бишилхехе] в значении ‘созерцать’ не обнаружены.

lungdun ‘устное наставление, приказ’ [Позднеев 1911: 227]. Например: *Lungdun čigi qayiralagsan....* ‘Даровал наставление (грамоту)’ [Сказание... 1897: 1]. В словаре современного калмыцкого языка это слово отсутствует. Ср. в монгольско-русском словаре *лүндэн* ‘уст. булла (указ, грамота, послание Богдо-гегена, Далай-ламы и др.)’ [МОТ 1957: 231]; *лүндэн* ‘тө., хуучир. 1) булла (указ, грамота, послание богдо-гегена, далай-ламы и др.); пророческое писание; зарлиг лүндэн ‘хорш. указ, веление; 2) воззвание, наставление’ [БАМРС, 2 2001: 306]. В современном калмыцком языке на материале НККЯ примеры со словом *лүндн* не обнаружены.

nirba ‘казначей при ламской кумирне’ [Позднеев 1911: 68]; ‘управитель, надзиратель, смотритель’ [Ковалевский, 2 1846: 673]; ‘с тиб. яз. название должности, со-

ответствующей смотрителю и казначею (в монастыре)» [Голстунский, 2 1894: 33]. Например: *Ene tōtān beledkü arga bideni Yonzan qamboyin nirba Cembel gedeg töböd küün sayinār zāzi ögči bayibai* 'Все вопросы по подготовке и снаряжению нам хорошо объяснил казначей Хамбо Йонзан, тибетец, по имени Цембл' [Сказание... 1897: 13]. В «Калмыцко-русском словаре» *нирв* [нирве] '1) кассир, казначей; 2) завхоз, эконо́м' [КРС 1977: 379]. В монгольском языке *ня-рав* — 'тө. казначей; кассир; управляющий, смотритель, завхоз' [МОТ 1957: 279].

В современном калмыцком языке на материале НККЯ примеры со словом *нирв* обнаружены в произведении М. В. Хонинова «Ленина дуудвар», но здесь *нирв* представлено как имя собственное: *Аюл татсн Гевкү, Нирв нег-негүрн бүлтэлдэжэд, үргсн темэн кевтэ үүднүр үкс алхлде* 'Гевкю и Нирв, совершившие нехорошее дело [досл. беду притянувшие], посмотрев друг на друга, словно испуганные верблюды, быстро направились к двери' [НККЯ: «Ленина дуудвар» «Мукөвүн» М. В. Хонинов].

Таким образом, памятники письменности калмыцкого языка располагают большим пластом устаревшей лексики и выражений, которые вышли из активного фонда языка и малопонятны (или же совсем не понятны) говорящим на современном калмыцком языке. Необходимо отметить, что анализ старописьменных памятников позволит восполнить некоторую пробелы по лексике современного калмыцкого и в целом монгольских языков. В связи с этим словарный фонд современного языка необходимо дополнять архаизмами и устаревшими словами, снабжая их соответствующими примерами, так как границы между пассивным словарным фондом, куда в первую очередь и относятся устаревшие слова, и активным словарем всегда подвижны. Так, к примеру, религиозные термины и понятия, относящиеся к устаревшей лексике, в силу произошедших в последние 20 лет социально-политических трансформаций, вновь возвращаются в активный словарный фонд языка. Рассмотренные примеры показывают, что в современном калмыцком языке по объективным причинам (как лингвистического, так и экстралингвистического, общественно-политического характера) отмечаются подмена понятий, сужение значений слов и другие процессы, которые в значительной степени обедняют лексический фонд языка.

Например, одним словом *ээлдхл* передаются значения 'доклад, рапорт' и 'предназначение', *бишилх* имеет лишь одно значение 'созерцать'.

Возвращению в узус лексики, бывшей какое-то время малоупотребительной и неупотребительной, способствует установка общества на возрождение части духовных традиций, культурных ценностей и общественных реалий, утраченных в ходе истории. Ценность большей части возвращенной лексики бесспорна. Это огромный пласт культуры и важная часть традиционного сознания народа.

Литература

- Бардаев Э. Ч. Современный калмыцкий язык. Лексикология. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1985. 153 с.
- БАМРС — Большой академический монгольско-русский словарь / под ред. А. Лувсандэндэва, Ц. Цэдэндамба, отв. ред. Г. Ц. Пюрбеев. Т. 1. А–Г. М.: Academia, 2001. 520 с. Т. 2. Д–О. М.: Academia, 2001. 536 с. Т. 3. Ё–Ф. М.: Academia, 2001. 440 с. Т. 4. Х–Я. М.: Academia, 2002. 532 с.
- Бембеев Е. В. Графо-фонетический анализ гласных на материале «русско-калмыцкого словаря анонимного автора XVIII в.» // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики: мат-лы Межд. науч. конф., посвящ. 75-летию В. И. Рассадина (10–13 ноября 2014 г., г. Элиста). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2014. С. 204–210.
- Бембеев Е. В., Куканова В. В. Электронные лексикографические базы данных калмыцкого языка // Актуальные проблемы современного монголоведения и алтаистики: мат-лы Межд. науч. конф., посвящ. 75-летию В. И. Рассадина (10–13 ноября 2014 г., г. Элиста). Элиста: Изд-во КалмГУ, 2014. С. 210–216.
- Бембеев Е. В. «Ранние» двуязычные словари как источники изучения лексики калмыцкого языка: Материалы от V межд. науч. конф. (Варна, 15–20 сентября 2014 г.) / отв. ред. В. А. Баранов, В. Желязкова, А. М. Лаврентьев. София; Ижевск, 2014. С. 243–246.
- Голстунский К. Ф. Монгольско-русский словарь, сост. проф. Санкт-Петербургского ун-та К. Ф. Голстунским. В 3-х т. Т. I. СПб., 1895. 268 с.; Т. II. СПб., 1894. 462 с.; Т. III. СПб., 1893. 491 с.; том «Дополнения». СПб., 1896. 91 с.
- КРС — Калмыцко-русский словарь. М.: Русский язык, 1977. 769 с.

- Кичиков А. Ш. Угин туск уг. Элст: Хальмг дегтр харһач, 1979. 102 с.
- Ковалевский О. М. Монгольско-русско-французский словарь. В 3-х т. Т. I. Казань, 1844. С. 1–594; Т. II. Казань, 1846. С. 595–1545; Т. III. Казань, 1849. С. 1546–2690.
- Куканова В. В., Бембеев Е. В. К проблеме электронных словарей калмыцкого языка // Информационные технологии и письменное наследие. El'Manuscript-2012: Мат-лы IV Межд. науч. конф. (г. Петрозаводск, 3–8 сентября 2012 г.). Петрозаводск; Ижевск, 2012. С. 146–149.
- Куканова В. В. О Национальном корпусе калмыцкого языка // Актуальные проблемы диалектологии языков народов России: Мат-лы XIII Межд. конф. (г. Уфа, 13–14 сентября 2013 г.). Уфа, 2013. С. 209–212.
- Лиджиев А. Б. Материалы к изучению устаревшей военной лексики калмыцкого языка // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2011. № 1. С. 113–116.
- Лиджиев А. Б. Об устаревшей лексике калмыцкого языка // Научная мысль Кавказа. № 1 (65). Ч. 2. Ростов н/Д., 2011. С. 52–57.
- Меняев Б. В. Список рукописи «Наставления V Богдо Джибцун-Дамба гэгэна» (на материале сочинения «Поучения Джибцун-Дамба-ламы») // Вестник Калмыцкого института гуманитарных исследований РАН. 2014. № 4. С. 175–182.
- Медодий (Львовский Н. В.) Калмыцко-русский словарь. 1893. 297 л. // Библиотека Восточного факультета Санкт-Петербургского государственного университета. Шифр Calm. D 13.
- МОН — Монгол-орос толь (Монгольско-русский словарь) / под общ. ред. А. Лувсандэндэва. М.: ГИИНС, 1957. 716 с.
- Мулаева Н. М., Бачаева С. Е. Архаизмы, историзмы и религиозная лексика в калмыцком языке (на материале романа А. Бадмаева «Арнзлын гүүдл») // Монголоведение. Вып. 5. Элиста: КИГИ РАН, 2011. С. 222–229.
- НККЯ — Национальный корпус калмыцкого языка [электронный ресурс] // URL: <http://kalmcorp.org.ru> (дата обращения: 06.05.2016).
- Номинханов Ц.-Д. Материалы к изучению истории калмыцкого языка. М.: Вост. лит., 1975. 328 с.
- Очирова Н. Ч. Об устаревшей лексике в калмыцком художественном тексте (на материале прозы К. Эрендженова) // Вестник КИГИ РАН. 2011. № 2. С. 111–115.
- Позднеев А. М. Калмыцко-русский словарь в пособие к изучению русского языка в калмыцких начальных школах. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1911. 312 с.
- Пюрбеев Г. Ц. Хальмгудын заңшалта бээцин тээлвр толь. Элиста: Калм. кн. изд-во, 1996. 176 с.
- Русско-калмыцкий словарь анонимного автора, XVIII в.: / транслит. Мулаева Н. М., Очирова Н. Ч.; сост. Куканова В. В., Мулаева Н. М.; отв. ред. Бембеев Е. В., Куканова В. В. [электронное издание]. Элиста: КИГИ РАН, 2014. 570 с.
- Сказание о хождении в Тибетскую страну Мало-Дербетского Бааза-бакиши. Калмыцкий текст с пер. и примеч., сост. А. М. Позднеевым. СПб.: Тип. Имп. акад. наук, 1897. 261 с.
- Смирнов П. А. Краткий русско-калмыцкий словарь (в пер.). Казань: Тип. Казанского Ун-та, 1857. 127 с.
- Ramstedt G. J. Kalmükisches Wörterbuch. Helsinki: Suomalais-Ugrilainen Seura, 1976. 592 s.

References

- Bardaev E. Ch. *Sovremennyy kalmuckij jazyk. Leksikologija* [Modern Kalmyk. Lexicology]. Elista, Kalm. Book Publ., 1985, 153 p. (In Russ.).
- Bol'shoj akademicheskij mongol'sko-russkij slovar' v 4-h tomah (BARMS). Red. A. Luvsandende, Ts. Tsendendamba, G. Pyurbeev [The Great Academic Mongolian-Russian Dictionary. In 4 vol. Edit. by A. Luvsandende, Ts. Tsendendamba, G. Pyurbeev]. Moscow, Academia Publ., 2001, vol. I, 502 p.; vol. II, 536 p.; vol. III, 440 p.; vol. IV, 532 p. (In Mong. and Russ.).
- Bembееv E. V. *Grafo-foneticheskij analiz glasnyh na materiale "russko-kalmyckogo slovarja anonimnogo avtora XVIII v."* [Graphophonetic analysis of consonants based on Russian-Kalmyk dictionary by anonymous author of the 18th century]. *Aktual'nye problemy sovremennogo mongolovedenija i altaistiki: mat-ly Mezhdunar. nauch. konf., posvjashh. 75-letiju V. I. Rassadina (10–13 nojabrja 2014 g., Elista)* [Topical Issues of Contemporary Mongol and Altai Studies: proc. of the Internat. research conf. celebrating the 75th anniversary of Prof. V. I. Rassadin (10–13 Nov. 2014, Elista)]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2014, pp. 204–210 (In Russ.).
- Bembееv E. V., Kukanova V. V. *Elektronnye leksikograficheskie bazy dannyh kalmuckogo jazyka* [Digital lexicographic databases of the Kalmyk language]. *Aktual'nye problemy*

- sovremennogo mongolovedenija i altaistiki: mat-ly Mezhdunar. nauch. konf., posvjashh. 75-letiju V. I. Rassadina (10–13 nojabrja 2014 g., Elista)* [Topical Issues of Contemporary Mongol and Altai Studies: proc. of the Internat. research conf. celebrating the 75th anniversary of Prof. V. I. Rassadin (10–13 Nov. 2014, Elista)]. Elista, Kalm. State Univ. Press, 2014, pp. 210–216 (In Russ.).
- Bembeev E. V. “Rannie” dvujazychnye slovari kak istochniki izuchenija leksiki kalmyckogo jazyka [Tekst] [“Early” bilingual dictionaries as sources for the study of the Kalmyk language]. *Materiali ot V mezhdun-arodna nauch. konf. (Varna, 15–20 septemvri 2014 g.) / otg. red. V. A. Baranov, V. Zheljazkova, A. M. Lavrent’ev* [Proc. of the 5th Internat. research conf. (Varna, 15–20 Sept. 2014). Edit. by V. A. Baranov, V. Zhelyazkova, A. M. Lavrentyev]. Sofia, Izhevsk, 2014, pp. 243–246 (In Russ.).
- Mongol’sko-russkij slovar’, sostavlennyy professorom Sankt-Peterburgskogo universiteta K. F. Golstunskim. V 3-h tomah* [A Mongolian-Russian dictionary, comp. by Prof. of Saint Petersburg University K. F. Golstunskii. In 3 vol.]. Saint Petersburg, vol. I, 1895, 268 p.; vol. II, 1894, 462 p.; vol. III, 1893, 491 p.; vol. “Supplements”, 1896, 91 p. (In Mong. and Russ.).
- Kalmycko-russkij slovar’ (KRS)* [A Kalmyk-Russian dictionary]. Moscow, Russkii Yazyk Publ., 1977, 769 p. (In Kalm. and Russ.).
- Kichikov A. Sh. *Ügin tusk üg* [A word about the word]. Elista, Kalm. Book Publ., 1979, 102 p. (In Kalm.).
- Kovalevskii O. M. *Mongol’sko-russko-francuzskij slovar’. V 3-h tomah* [A Mongolian-Russian-French dictionary]. Kazan, vol. I, 1844, pp. 1–594; vol. II, 1846, pp. 595–1545; vol. III, 1849, pp. 1546–2690 (In Mong., Russ. and French).
- Kukanova V. V., Bembeev E. V. *K probleme elektronnyh slovarej kalmyckogo jazyka* [Revisiting the issue of Kalmyk digital dictionaries]. *Informacionnye tehnologii i pis’mennoe nasledie. El’Manuscript-2012: Materialy IV mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii (Petrozavodsk, 3–8 sentjabrja 2012 g.)* [Information Technologies and Written Heritage. El’Manuscript-2012: proc. of the 4th Internat. research conf. (Petrozavodsk, 3–8 Sept. 2012)]. Petrozavodsk, Izhevsk, 2012, pp. 146–149 (In Russ.).
- Kukanova V. V. *O Nacional’nom korpusе kalmyckogo jazyka* [On the Kalmyk National Corpus]. *Aktual’nye problemy dialektologii jazykov narodov Rossii: Mat-ly XIII Mezhdunarodnoj konferencii (Ufa, 13–14 sentjabrja 2013 g.)* [Topical Issues of Dialectology of Russia’s Languages: proc. of the 13th Internat. conf. (Ufa, 13–14 Sept. 2013)]. Ufa, 2013, pp. 209–212 (In Russ.).
- Lidzhiev A. B. *Materialy k izucheniju ustarevshej voennoj leksiki kalmyckogo jazyka* [Materials for exploration of Kalmyk obsolete military lexis]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], 2011, No. 1, pp. 113–116 (In Russ.).
- Lidzhiev A. B. *Ob ustarevshej leksike kalmyckogo jazyka* [On Kalmyk obsolete lexis]. *Nauchnaja mysl’ Kavkaza* [Scientific Thought of Caucasus journal], No. 1(65), part 2, Rostov-on-Don, 2011, pp. 52–57 (In Russ.).
- Menyaev B. V. *Spisok rukopisi «Nastavlenija V Bogdo Dzhibczun-Damba gjegjena» (na materiale sochinenija «Pouchenija Dzhibczun-Damba-lamy»)* [The Manuscript Copy of “The Fifth Bogdo Gegen Jebtsundamba’s Precepts” (the Case Study of the Work of “The Jebtsundamba Lama’s Teachings”)]. *Vestnik Kalmyckogo instituta gumanitarnyh issledovanij RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], No. 4, Elista, Print. Dept. of the Kalm. Inst. for Humanities of the RAS, 2014, pp. 175–182 (In Russ.).
- Mefodij (L’vovskij N. V.) *Kalmycko-russkij slovar’. 1893. 297 l.* [A Kalmyk-Russian dictionary. 1893. 297 p.]. *Biblioteka Vostochnogo fakul’teta Sankt-Peterburgskogo gosudarstvennogo fakul’teta. Shifr. Calm. D13* [Library of the Oriental Faculty of Saint Petersburg State Univ. Ref. No. Calm. D13] (In Kalm. and Russ.).
- Mongol-oros tol’ (Mongol’sko-russkij slovar’) (MOT) / Pod obshh. red. A. Luvsandende* [A Mongolian-Russian dictionary. Edit. by A. Luvsandendev]. Moscow, State Publ. House for Foreign and National Dictionaries, 1957, 716 p. (In Mong. and Russ.).
- Mulaeva N. M., Bachaeva S. E. *Arhaizmy, istorizmy i religioznaja leksika v kalmyckom jazyke (na materiale romana A. Badmaeva «Arnzlyn gyydl»)* [Outdated Words and Word Combinations in the Kalmyk Language (on a Material of the Novel of A. Badmaev «Arnzlyn Güüdl»)]. *Mongolovedenie* [Mongol Studies journal], iss. 5, Elista, Print. Dept. of the Kalm. Inst. for Humanities of the RAS, 2011, pp. 222–229 (In Russ.).
- Nacional’nyj korpus kalmyckogo yazyka* [the Kalmyk National Corpus]. Available at:

- <http://kalmcorp.ru> (accessed: 6 May 2016) (In Russ.).
- Nominhanov Ts.-D. *Materialy k izucheniju istorii kalmyckogo jazyka* [Materials for history studies of the Kalmyk language]. Moscow, Vost. Lit. Publ., 1975, 328 p. (In Russ.).
- Ochirova N. Ch. *Ob ustarevshej leksike v kalmyckom hudozhestvennom tekste (na materiale prozy K. Erendzhenova)* [On obsolete lexis in Kalmyk literary texts (evidence from K. Erendzhenov's prose)]. *Vestnik KIGI RAN* [Bulletin of the Kalmyk Institute for Humanities of the RAS], No. 2, Elista, Print. Dept. of the Kalm. Inst. for Humanities of the RAS, 2011, pp. 111–115 (In Russ.).
- Pozdneev A. M. *Kalmycko-russkij slovar' v posobie k izucheniju russkogo jazyka v kalmyckih nachal'nyh shkolah* [A Kalmyk–Russian dictionary within a Russian language learning textbook for Kalmyk primary schools]. Saint Petersburg, Print. House of the Imperial Acad. of Sciences, 1911, 312 p. (In Russ.).
- Pyurbееv G. Ts. *Hal'mgudyn zaŋshalta bäätsin täälvr tol'* [A Kalmyk dictionary]. Elista, Kalm. Book Publ., 1996, 176 p. (In Kalm.).
- Russko-kalmyckij slovar' anonimnogo avtora, XVIII v.: / translit. Mulaeva N. M., Ochirova N. Ch.; sost. Kukanova V. V., Mulaeva N. M.; otv. red. Bembeev E. V., Kukanova V. V. [elektronnoe izdanie]* [A 18th cent. Russian-Kalmyk dictionary by an anonymous author. Translit. By N. Mulaeva, N. Ochirova; comp. by V. Kukanova, N. Mulaeva; edit. by E. Bembeev, V. Kukanova]. Elista, Print. Dept. of the Kalm. Inst. for Humanities of the RAS, 2014, 570 p. (In Kalm. and Russ.).
- Ramstedt G. J. *Kalmükisches Wörterbuch* [A dictionary of the Kalmyk language]. Helsinki, Suomalais-Ugrilainen Seura Publ., 1976, 592 p. (In Kalm. and Finnish).
- Smirnov P. A. *Kratkij russko-kalmyckij slovar' (v per.)* [A brief Russian-Kalmyk dictionary]. Kazan, Kazan University Press, 1857, 127 p. (In Russ.).

УДК 811.512.37

БУДДИЙСКАЯ УСТАРЕВШАЯ ЛЕКСИКА КАЛМЫЦКОГО ЯЗЫКА (на материале Национального корпуса калмыцкого языка)

Евгений Владимирович Бембеев ¹

¹ кандидат филологических наук, заместитель директора по научной работе, Калмыцкий научный центр РАН (Элиста, Российская Федерация). E-mail: galdma@yandex.ru.

Аннотация. В настоящей статье нами предпринята попытка исследования устаревшей буддийской лексики калмыцкого языка на материале «ранних» текстов XVIII–XIX вв., введенных в базу данных Национального корпуса калмыцкого языка. Памятники письменности калмыцкого языка располагают большим пластом буддийской лексики и выражений, которые вышли из активного фонда языка и малопонятны (или же совсем не понятны) говорящим на современном калмыцком языке. Анализ старописьменных памятников позволит восполнить некоторые пробелы по лексике современного калмыцкого и в целом монгольских языков. Кроме того, в современном калмыцком языке в силу объективных причин (как лингвистического, так и экстралингвистического, общественно-политического характера) произошли подмена понятий, сужение значений слов и другие процессы, которые в значительной степени обедняют лексический фонд языка. Например, одним словом *ээлдхл* передаются значения ‘доклад, рапорт’ и ‘предназначение’, *бишилх* имеет лишь значение ‘созерцать’. В связи с этим словарный фонд современного языка необходимо дополнять архаизмами и устаревшими словами, снабжая их соответствующими примерами, так как границы между пассивным словарным фондом, куда в первую очередь и относятся устаревшие слова, и активным словарем всегда подвижны.

Ключевые слова: калмыцкий язык, архаизмы, устаревшие слова, буддийская лексика, Национальный корпус калмыцкого языка.